

Информационный потенциал документов НГА для исследований в области генеалогии и социальной истории (На материалах Объединенного архивного фонда предприятий электроэнергетической отрасли г. Новониколаевска).

Кинёв С.Л.

канд. ист. наук,

Главный археограф МКУ «Горархив».

«Объединённый архивный фонд предприятий электроэнергетической отрасли г. Новониколаевска» содержит разнообразную информацию, касающуюся развития промышленности, организации строительных работ, функционирования электростанции. Однако, документы фонда могут дать информацию, другого рода благодаря которой исторический процесс предстает перед наблюдателем более человеческим, живым, менее абстрактным.

Первое, что бросается в глаза при чтении документов фонда, это специфика работы в сфере делопроизводства в 1920-х гг. В данном случае исследователь может получить наравне с палеографической информацией, сведения (косвенные) о состоянии экономики, способах, используемых конторскими служащими для обеспечения себя писчими материалами, даже о степени освоения новой орфографии людьми, чья работа – писать.

Здесь, частности, можно обнаружить, что для письма в 1920-х гг. использовалась абсолютно любая бумага. Делопроизводители электростанции использовали в своей работе обороты (а иногда, и лицевые стороны) дореволюционных бланков. Если речь шла о машинописной копии документа (циркулярного письма, чаще всего) как правило, использовалась калька, причём, печатать могли как на одной стороне такой бумаги, так и на обеих. В качестве писчей бумаги использовали даже неразрезанные листы конфетных обёрток.

Инструменты письма так же в своём разнообразии служат отражением экономической ситуации. Наряду с чернилами и машинописью в начале 1920-х гг. использовался карандаш. Подписи под текстами Приказов часто бывали поставлены именно карандашом, синим, красным или простым. Чернила так же использовались разных цветов: черные, синие, красные, зелёные, бурые. Таким образом, для составления документов, по-видимому, использовались любые материалы, находившиеся под рукой. Устоявшихся норм относительно бумаги, цвета чернил и т.п. не было.

Не меньший интерес представляет язык, которым написаны документы. Здесь, разумеется, присутствуют и ошибки в написании слов, особенно – иностранного происхождения. Это закономерно, учитывая, что делопроизводством в это время могли заниматься люди, имевшие лишь начальное образование.

Значительно интереснее оказываются тексты, составленные людьми, получившими образование до революции.

Довольно часто в документах начала 1920-х гг. можно увидеть заметное количество фрагментов старой орфографии. Ситуация тем более необычная, что в Сибири новая орфография, созданная отнюдь не большевиками, доминировала уже в первой половине 1919 г. и использовалась на добровольных началах, в отличие от территорий, подконтрольных красным.

Тем не менее, в текстах можно увидеть, например, слово «копія». Слово «сеть» ещё в 1924-1925 гг. могло быть написано через букву «Ять» (ѣѣ). Здесь же увидим слова, заканчивающиеся на согласные с «Ером» (твёрдым знаком): «Проекть», «...сь военным городкомъ». Есть и примеры написания имён Афанасий, Агафон и др. с использованием буквы Фита(Ѳ,ѳ).

Присутствуют в документах случаи изменения местоимений по падежам, а так же падежных окончаний согласно нормам старой орфографии: «...стоимости ея...» , «как первичныя, так и вторичныя обмотки».

Наконец, обращает на себя внимание и стиль документов. В текстах можно встретить, исчезнувшие из документов в более поздний период слова и обороты речи, такие как: «Временная комиссия... просит вас пожаловать на заседание» или обращение к руководству с просьбой «учинить расчет». Присутствуют и более редкие обороты речи. Так 20 февраля 1922 г. в Приказе о мерах за неисполнение контролёрами Приказа, изданного ранее, они получили предупреждение о том, что непредоставление ежедневных отчётов будет расцениваться «как нежелание к работе».

Всё вместе это позволяет строить предположения о социальном составе делопроизводителей на территории Западной Сибири в первой половине 1920-х гг.

Отдельным вопросом является и язык приказов по основной деятельности и по личному составу. Здесь никогда не использовался глагол «приказывать». Руководство электростанции, Электростроя, да и любой организации или предприятия в этот период времени всегда «предлагало». В частности, сотрудникам «предлагается» приходить на работу не позднее 9-00 и «преждевременно работу не заканчивать». Подобная форма обращения к недисциплинированным и совершающим незаконные действия сотрудникам отражает систему отношений, существовавшую между администрацией предприятий и работниками по крайней мере в первой половине 1920-х гг.

Таким образом, даже анализ внешней формы документов, содержащихся в 72 фонде, может дать исследователю информацию о различных сторонах жизни советского общества в первые годы его существования.

Если обратиться к содержанию документов, то, разумеется, в первую очередь здесь обнаружим специфику деятельности предприятий, конечно же, отразившуюся в документах. Благодаря этому можно составить общее представление о положении дел с электроснабжением в городе и, в общих чертах, - в губернии.

Документы фиксируют охват населения и организаций города электрической сетью, причины, масштабы и последствия аварий на станции или в сети. Освещается состояние электросетей города с 1919 до 1926 г.

Например, в докладной записке заведующего электростанцией в Губисполком, составленной в мае 1924 г. сообщается о том, что старая электростанция, накануне строительства новой, обеспечивала электричеством 18% квартир и 30% жителей города. Ситуация в уездных городах была ещё хуже. В Барабинске, Камне , Черепанове освещено было от 1,8% до 8,6% квартир. В Колывани и Каргате электрического освещения не было вовсе. Лишь в Каинске с электростанцией 60 л.с. электроэнергия была доступна 23,3% квартир. Так же эта докладная записка демонстрирует образ мышления и действия новой власти при решении насущных проблем; после постройки новой электрической станции в Ново-Николаевске оборудование старой электростанции предполагалось использовать для обеспечения электроэнергией других городов губернии.

В приказах по электростанции всегда достаточно подробно описываются аварии и их причины. Чаще всего такими причинами были человеческий фактор и изношенное состояние оборудования, которое дополнительно ухудшалось в числе прочего из-за упомянутого человеческого фактора.

Более или менее подробно документы позволяют восстановить условия, порядок и механизмы подключения нового абонента к сети. В таких случаях исследователь получает возможность изучать практику взаимодействия сотрудников электростанции с потребителями электроэнергии.

72 фонд Новосибирского городского архива позволяет составить очень подробное представление о повседневной жизни коллектива электростанции и Электростроя. Сюда в

первую очередь, можно отнести вопросы о системе управления предприятием и взаимоотношениях администрации и коллектива.

В первом случае обращают на себя внимание механизмы контроля за «классово чуждым» «спецом», заведующим электростанцией М.А. Шишей. На предприятие назначаются один за другим несколько политкомиссаров, из которых ни один до этого не работал в отрасли. Все они имели право второй подписи под Приказами по предприятию. Так же, по крайней мере, один раз, был назначен политрук (бывший слесарь электростанции) в статусе помощника заведующего.

Что касается взаимоотношений коллектива с администрацией, - документы фонда показывают всю их сложность и многогранность. В Приказах, в текстах отчётов и протоколов проверок, проведённых вышестоящими органами, справках финансового содержания освещаются вопросы оплаты труда, трудовой дисциплины, качества работы, квалификации сотрудников, их мотивации к деятельности и способов выживания в беднеющем послевоенном обществе.

Здесь же представлены попытки заведующих воздействовать на коллектив в целом и нарушителей дисциплины, - в частности.

Так в Приказах часто упоминаются упоминания об опозданиях на работу, уход сотрудников с работы раньше положенного времени, задержки на обеденном перерыве, самовольные выезды в село на сельхозработы, невозвращение сельских жителей из отпуска по причине сельхозработ, приход на работу в нетрезвом состоянии, нарушение бухгалтерии/делопроизводства или поломка оборудования «по нерадению» рабочих и служащих. Тот факт, что тексты приказов по одним и тем же поводам повторялись, подчас, - с упоминанием предыдущего аналогичного приказа, говорит о степени эффективности усилий администрации в этом вопросе.

Причины отсутствия взаимопонимания между руководством и коллективом предприятий так же отражены в документах. Информация, содержащаяся в делах фонда, прямо или косвенно указывает на стремление рабочих и служащих не столько качественно выполнить работу, сколько увеличить свой доход в ситуации оплаты их труда дешевеющими «совзнаками» 1922 г. Совершенно очевидны и методы выживания, которым, собственно, и занимались рабочие. Одним из них стали, судя по свидетельствам, кражи. Такой вид дополнительной деятельности позволял рабочему построить дом или получить доход, превышающий его месячную зарплату. Документы 72 фонда новосибирского городского архива позволяют увидеть не только сами кражи, но их масштаб и отношение к этому явлению большинства сотрудников и даже, в отдельных случаях, степень выгоды такой деятельности для вора.

Второй способ «свести концы с концами», упоминаемый в Приказах, представлял собой исполнение на рабочем месте сторонних заказов с использованием казённого инструмента и оборудования.

В текстах документов электростанции содержится и странное на первый взгляд противодействие заведующих практике сверхурочных работ. Поскольку такая деятельность оплачивалась по более высокому тарифу, рабочие и служащие электростанции оставались сверхурочно, даже если этого не требовала производственная необходимость. Один из Приказов фиксирует результат борьбы – установление нормы дополнительной оплаты сверхурочных и призыв к руководителям среднего звена не допускать переработок без реальной необходимости.

Тексты документов фонда содержат, по-видимому, весь набор воздействия на сотрудников со стороны заведующих электростанцией и Электростроя. В числе таковых упоминаются сомнительные в плане эффективности увещевания, выговоры, угрозы неопределёнными последствиями, увольнения, за которыми иногда следовало восстановление рабочего, наказание «рублём» так же практиковалось.

В информационных справках о котировках валют, прилагавшихся к инструкциям по начислению зарплат в самих этих инструкциях, штатных расписаниях с указанием тарифной

сетки и в выписках из Протоколов заседаний Губсовнархоза содержится информация по достаточно широкому кругу вопросов, связанному с оплатой труда и финансовой системой РСФСР и СССР.

Здесь можно увидеть такие неожиданные единицы исчисления зарплат и стоимостного выражения материальных ресурсов, как, например, «довоенный рубль». Позже упоминаются в этой роли червонец, золотой рубль, товарный рубль. Указываются соотношения между ними по курсу, отношения между каждой из этих единиц и «совзнаками», а затем – рублём. Котировочная информация 1922-1923 г. обнаруживает темпы номинальной инфляции «совзнаков» 1922 г., которыми оплачивалась работа.

Дополнительный интерес этим, казалось бы, весьма специфическим документам сообщает тот факт, что речь идёт чаще всего о начислении жалования руководителям предприятий города. Сюда можно отнести заведующих электростанцией, винным складом, типографией, рядом заводов. Все эти люди, судя по документам, получали зарплату если и в «совзнаках», то начислялась она им в золотых рублях или червонцах, чем гарантировалась от обесценивания.

Ещё один вопрос, информация по которому содержится в документах 72 фонда Новосибирского городского архива, находится на стыке истории повседневности и вспомогательных исторических дисциплин. Речь идёт о документах, отражающих проведение реформы метрической системы, которая задевала интересы всех слоёв населения во многих сферах жизни. Эксперименты с использованием в отдельных сферах деятельности международной десятичной метрической системы в России начались ещё до революции. Начиная с 1918 г. советская власть предприняла усилия по насаждению этой системы мер и весов в качестве единственной и обязательной.

Документы, хранящиеся в делах фонда, отражают механизмы реформы, степень её успешности и, косвенно, препятствия на пути её реализации. Из текстов циркулярных писем и выписок из Бюллетеня НКВД следует, что переход на десятичную систему измерений встречал в советском обществе ощутимое сопротивление. Распоряжение с одним и тем же содержанием приходилось издавать по меньшей мере дважды. По утверждению заведующего ГОМХ (Губернского отдела местного хозяйства), «предприятия к этому, столь серьёзному, делу относятся совершенно индифферентно и до настоящего времени ни одно из предприятий не удосужилось ответом на наше предложение за №11». В повторных циркулярах появляются уступки реальности и содержатся допущения в ведении бухгалтерии в обеих системах измерения в целом ряде случаев. Характерно, что предприятия игнорировали, например, Обязательное постановление всесоюзной междуведомственной комиссии №5 от 23 ноября 1923 г. «О введении метрической системы в промышленности и торговле СССР». Это постановление принималось во исполнение Декретов СНК (Совета Народных Комиссаров) от 14 сентября 1918 г. и от 29 мая 1922 г. и содержало в себе угрозу преследования по трём статьям уголовного кодекса.

В качестве дополнительного замечания нужно сказать, что документы, посвящённые метрической реформе, кроме прочего, отражают степень понимания чиновниками, проводившими эту реформу сути и смысла производимых действий. Практически во всех документах, посвящённых этому вопросу, присутствует противопоставление «русской» и «метрической» систем. При том, что обе они являются метрическими, с той лишь разницей, что одна действительно русская, а вторая – международная десятичная.

Отдельным важным моментом является то, что фонд 72 Новосибирского городского архива содержит массив интересных генеалогических и демографических данных.

В деле «Акт ревизии новониколаевского Электростроя. Список рабочих и служащих» содержатся копии трех списков. Среди них - «Список постоянных сотрудников Новосибирского Электростроя на 10-е марта 1926 г.». Здесь перечислены имена сотрудников среднего и высшего звена, получавших зарплату на основании спецставки. Из этого списка мы узнаем не только имена, но и уровень квалификации, профессию и материальное состояние перечисленных людей. В отдельных случаях можно наблюдать карьерный рост работников.

Следующий документ в упомянутом деле – «Список рабочих Новосибирской Центральной электростанции им. М.И. Калинина /Эксплуатационная часть/ на 8 марта 1926 года». В данном случае исследователь может получить информацию об именах, профессиях, квалификации и зарплатах работников от заведующего электростанцией до сторожа. Здесь же содержится информация о временном штате старой электростанции.

Наконец, «Список служащих Новосибирской Центральной электростанции, работающих по расширению ЦЭС"а и по постройке водопровода», где перечислены только административные служащие и только их имена и должности.

Информация этих списков повторяется в деле «Списки сотрудников Новосибирской Центральной электростанции «им. М.И. Калинина»». Собственно всё дело состоит из экземпляров этих трех списков.

Серьезным подспорьем в изучении генеалогии и исторической демографии может стать комплекс дел, содержащих списки работников старой электростанции за 1924-1925 гг. и относящаяся к 1925 г. «Тетрадь с данными о семейном положении и адресами рабочих и служащих новониколаевского Электростроя».

В этих делах содержится достаточно подробная информация о персональном составе работников, степени текучести кадров; о возрастном составе рабочих и служащих, их профессии и квалификации. В нескольких делах указывается место рождения сотрудников. Два из них предоставляют сведения о семейном положении сотрудников старой электростанции и Электростроя. В документах присутствует значительный пласт демографической информации и данных о социальных процессах. Благодаря данным, содержащимся в делах можно определить: среднюю разницу в возрасте супругов, среднюю разницу в возрасте отцов/матерей и детей; количество детей в семье; разницу в возрасте сиблингов ; количество вдов и вдовцов и их средний возраст; количество холостых и девиц, и их средний возраст; количество в процентном отношении неполных семей (часто младшие сиблинги жили в семье женатых старших братьев); социальный состав коллектива. В отдельных случаях можно определить количество браков, в которые работник вступал на момент поступления на работу/внесения в список.

Здесь же можно проследить факты работы на одном предприятии целыми семьями (есть несколько примеров работы двух и более братьев или отца и нескольких сыновей). При дополнении этих данных информацией из Книг приказов и Списков работников, можно проследить, насколько карьеры родственников, работавших на одном предприятии, связаны или не связаны между собой. Имеются так же даты рождения, даты трудоустройства и увольнения, возраст на момент трудоустройства и адрес проживания. Обозначено членство в профсоюзе, как следствие, можно составить список профсоюзов, функционировавших в середине 1920-х гг. Прослеживаются и даты массовых увольнений. Обозначенные отдельной графой номера учётных карточек рабочих, по сути, являются ссылкой на дополнительный источник информации о каждом.

Адреса проживания, указанные в документах, так же могут дать информацию по городской топонимике 1920-х годов и изменению уличной сети города.

Список родственников, как и список самих работников – источник антропонимической информации. В частности, благодаря перечислению большого количества имён людей, относящихся к разным поколениям, можно в той или иной степени наблюдать процесс перехода от церковного имянаречения к светскому.

Сочетание адреса и состава семьи указывает на степень сохранения традиции, крестьянской по своей сути, жизни сыновей с родителями до брака, если речь идёт о старших, и после вступления в брак, если речь идёт о младшем. Таким образом, документы позволяют изучать вопрос о сохранности сельского образа жизни в городе.

Таков неполный перечень вопросов, которые могут быть изучены с использованием документов Объединённого архивного фонда предприятий электроэнергетической отрасли г. Новониколаевска, который является не просто ещё одним комплексом ведомственной

документации, но богатой информацией совокупностью документальных исторических источников.

Аннотации к документам.

1. [Список постоянных сотрудников «Электростроя» на 10 марта 1926 г. \(Фрагмент.\)](#)

НГА. Ф. 72. Оп. 4. Д. 19. Л. 35.

2. [Лист из «Книги Приказов начальника Новониколаевского Электростроя за 1924-1926 гг.».](#)

НГА. Ф. 72. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

3. [Выписка из Бюллетеня НКВД. О введении метрических мер на электрических станциях, подведомственных Коммуноотделам.](#)

НГА. Ф. 72. Оп. 1. Д. 4. Л. 80